

ЦЕЛИ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Е. И. Астапов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 мая 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена вопросу о целях, которые преследовала Россия в ходе своего участия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.), значительное внимание уделено понятию «цель войны» и анализу отечественной историографии данной тематики, обосновывается актуальность переосмысления некоторых традиционных для отечественной науки установок.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, цель войны, военная стратегия.*

Abstract: *the article is devoted to the question of purposes which Russia pursued in the course of its participation in World War I (1914–1918), considerable attention is paid to the concept of «the purpose of the war» and the analysis of the national historiography of the theme, proved the necessary of rethinking some of the traditional national science facilities.*

Key words: *First World War, purpose of the war, military strategy.*

Первая мировая война в XXI в., по крайней мере, в русскоязычном культурном пространстве прочно удерживает за собой ярлык «забытой». Гораздо более верно, на наш взгляд, назвать ее войной для нашей страны «парадоксальной», поскольку участие России в первом всемирном конфликте изобилует труднообъяснимыми с научной точки зрения и удивительными с точки зрения здравого смысла фактами, явлениями и тенденциями. И пресловутая «забытость» является лишь первым таким парадоксом, ведь, напротив, исторический опыт Первой мировой войны на самом деле всегда был востребован в среде отечественных ученых и публицистов, историография данной темы огромна.

Иное дело – некоторые весьма важные аспекты, связанные прежде всего с местом и ролью Первой мировой войны в истории России, значимостью ее для исторической судьбы нашего Отечества. Один из таких аспектов – цели, которые преследовала Россия в ходе участия в Первой мировой войне. Данный вопрос, несмотря на кажущуюся его достаточную разработанность, сегодня, спустя сотню лет после войны, приобрел новую актуальность. Но обо всем по порядку.

Первыми, кто столкнулся с необходимостью отчетливо и ясно сформулировать цели России в Первой мировой войне, были, разумеется, русские правительства военных лет. Царская власть, Временное правительство, советские органы на разных этапах конфликта по-разному формулировали такие целевые установки, их позиция достаточно подробно отразилась в ряде официальных документов (манифестов,

правительственных сообщений, декретов и т. п.) и дипломатической корреспонденции указанного периода.

В новоиспеченном советском государстве изучение опыта прошедшего мирового конфликта началось еще до образования СССР. Это было продиктовано практической необходимостью новой власти в организации собственной защиты, в том числе вооруженной [1, с. 27]. Поэтому на первых порах вопросы политической истории минувшей мировой войны, цели, которые преследовали в ней воюющие стороны, оставались в тени. Однако характерные для начального периода существования советской исторической науки активный поиск и публикация документов, многие из которых ранее носили на себе гриф секретности, воспоминаний, интенсивный ввод в научный оборот новых неизвестных до того фактов, практика привлечения к научной работе опытных специалистов дореволюционного времени, остававшиеся еще у советских исследователей возможности для взаимодействия с зарубежными коллегами – все это создавало предпосылки для того, чтобы изучение внешнеполитической истории мировой войны, целевых установок держав-участниц мирового конфликта не заставило себя долго ждать [2, с. 28–30].

Советская Россия была не единственным центром изучения участия России в Первой мировой войне. Во время и после завершения Гражданской войны Россию покинуло не менее двух миллионов человек. Поэтому вполне закономерно, что на чужбине, где нашло приют множество русских эмигрантов, параллельно с советской наукой развивалась собственная, отличная от той историография Первой мировой войны. Необходимо отметить, что условия для на-

учных изысканий за рубежом были весьма благоприятными. В эмиграции оказалось немало ветеранов Первой мировой войны, специалистов с опытом военно-научной работы, в их распоряжении было большое количество документов эмигрантских и зарубежных архивов, свидетельств живых участников и очевидцев событий [3, с. 39]. За рубежом, так же как и в СССР, происходило обобщение опыта минувшего конфликта, осмысление войны, в том числе и целей России в ней.

Здесь стоит оговориться, что именно мы имеем в виду, говоря о «целях войны» и разумея в данном случае не конкретные целевые установки, а обобщенное значение этого понятия.

Источники не изобилуют определением этого синтетического, двусоставного термина. А. Г. Караяни в статье «Психология и война» говорит, что целью войны является стремление одного субъекта политики изменить поведение другого [4]. Современный военно-политический словарь «Война и мир в терминах и определениях» подходит к этому понятию более комплексно: «Желаемый или расчетный конечный результат войны, совокупность общих задач внешней политики государства (коалиции государств), которые должны быть решены в ходе войны... Высшей целью войны является победа над противником» [5]. Но, несомненно, еще более высокую исследовательскую значимость для нас имеет понимание термина «цель войны» современниками того военного конфликта, целям России в котором посвящена работа, т. е. в контексте начала или, во всяком случае, первой половины XX в.

Вполне объяснимо, что вопроса о целях войны в своей работе касался каждый уважающий себя военный теоретик XIX–XX вв. Однако непосредственно к определению понятия «цель войны» подошли немногие, те же, кто взял на себя сей труд, как правило, ограничивались тем пониманием целей войны, которое можно было бы назвать упрощенным.

Еще со времен деятельности одного из законодателей мод в военной науке Карла фон Клаузевица хорошим тоном считалось тиражировать многие хлесткие и афористичные цитаты его фундаментального труда «О войне»: «Положение о том, что истинной целью войны является уничтожение главных сил противника на поле боя, стало догмой главным образом в результате влияния Клаузевица (а после смерти – его книги) на прусских полководцев и, в частности, на Мольтке; победы Пруссии в 1866 и 1870 гг. способствовали тому, что это положение было принято всеми армиями мира» [6, с. 387]. Не стала исключением и русская военная наука. В трудах ведущих представителей отечественной военной мысли уничтожение живой силы противника, всех средств его сопротивления также постулировались в качестве

основной цели войны, коррективы в которую, по их мнению, не внесла и отгремевшая накануне выхода в печать их трудов Русско-японская война 1904–1905 гг. [7; 8].

Итак, уничтожение живой силы противника – традиционная установка, казавшаяся незыблемой. Тем не менее можно утверждать, что в конце XIX – начале XX в. наблюдается начало постепенного отхода от этой долго господствовавшей точки зрения. В ряде работ определение цели войны формулируется, если можно так сказать, на более высоком уровне. По мнению русского военного историка А. А. Керсновского, «немедленной целью войны является победа, конечной – мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества» [9, с. 37]. Английский военный теоретик Б. Лиделл Гарт определяет цель войны как стремление «добиться лучшего состояния мира, хотя бы только с вашей точки зрения» [6, с. 387].

Как видим, понимание цели войны, сложившееся в первой половине прошлого века, в целом близко к современному. Но вот в сравнении с предшествующим периодом развития военной мысли рубеж XIX–XX вв. и новые явления в военном деле, политике, международных отношениях наступившей эпохи массовых армий породили новые, более широкие и сложные, подходы к некоторым аспектам понятия «цели войны».

Тот же фон Клаузевиц в свое время определил войну еще и как продолжение политики иными средствами [10, с. 15]. На рубеже XIX–XX вв. этот тезис был развит и углублен целой плеядой исследователей совершенно различных направлений. В трудах Г. фон Мольтке, А. фон Шлиффена, Ф. Фоша, М. А. Свечина, А. А. Керсновского, Н. П. Михневича, А. Г. Елчанинова, В. И. Ленина утверждается положение о тесной взаимосвязи войны и политики, экономики, идеологии, декларируется руководящая роль политики по отношению к стратегии, крайнему средству в ее руках. «Политика – это руководство нацией, управление государством. Стратегия – это руководство вооруженной частью нации, управление той эманацией государства, что называется армией... Политика – целое, стратегия – часть... это – политика войны, тогда как самая война – элемент политики государства» [9, с. 53], – отмечает в своей работе «Философия войны» А. А. Керсновский. «Политике принадлежит руководящая роль в войне. Она определяет цели и характер войны, оказывает непосредственное влияние на вооруженную борьбу, на искусство ее ведения, направляет весь ход войны для достижения поставленных ею целей» [11, с. 26], – резюмирует А. А. Строков точку зрения В. И. Ленина.

Второе важное изменение заключается в наметившемся в начале прошлого столетия осознании

различия цели войны и цели политики. Господствовавшее ранее понимание цели войны зачастую приводило к ее отождествлению с целью политики: «Задача стратегич. иск-ва – победить врага и вообще достигнуть цели войны (поставленной политикой) с наименьш. расходами, усилиями и потерями» [12, с. 313]. Теперь же исследователи все более акцентируют внимание на их нередком несовпадении. Подобная оговорка есть еще у фон Клаузевица (который вообще во многом предвосхитил будущие идеи теории военного дела, но в период своей деятельности, видимо, придал им второстепенное значение), теперь же в устах военных теоретиков начала XX в. она обретает все большие очертания. «Говоря о цели войны, необходимо хорошо представить себе различие между политической и военной целями. Эти цели различны, но тесно связаны между собой, ибо страны ведут войну не ради самой войны, а ради достижения политической цели. Военная цель является только средством достижения политической цели». Однако общепринятая ранее «цель войны, т. е. полное разоружение врага, далеко не всегда удается и не является необходимым условием для мира» [6, с. 387].

Иными словами, конечно, как война – продолжение политики, так и военные цели – продолжение внешнеполитических, но грань между ними провести все же необходимо. Цель войны – совсем иное, нежели цель внешней политики. Этимология, внутреннее содержание, восприятие в индивидуальном и общественном сознании понятия «цель войны» до войны, в теории, и в ходе войны, на практике, кардинально различаются.

Необходимо иметь в виду и еще один важный аспект. Вырабатывать и формулировать цели войны возможно практически, лишь находясь в состоянии войны. Субъект, в том числе международной политики, если только он не взял решительный курс на эскалацию конфликта, по-разному воспринимает себя, свои интересы и позиции, окружающие объективные условия и реалии международных отношений до войны (когда, как правило, в первую очередь рассматриваются мирные пути достижения внешнеполитических целей), в процессе возникновения конфликта (зачастую находясь в стремлении любыми средствами сохранить мир) и уже будучи вовлеченным в конфликт (когда мир сохранить уже невозможно, мосты к компромиссным решениям сожжены и прежние целевые установки, даже наиболее смелые, нуждаются в пересмотре, так как кардинальным образом меняются средства их достижения).

Итак, необходимо строго различать цели внешней политики (мирного либо предвоенного периода) и цели войны: 1) сформулированные до войны цели внешней политики, но с ясным указанием на то, что их достижение предполагается в ходе войны и во-

енным путем, т. е. фактически политические цели войны; 2) сформулированные уже в ходе войны целевые установки, достижение которых планируется посредством победы в данном конфликте.

Существенным недостатком многих исследований, касающихся проблемы целей России в Первой мировой войне, как раз и является то, что, несмотря на видимое в начале XX в. совершенствование подхода к понятию «цель войны», все они на практике, как правило, шли по пути отождествления понятий «цель войны» и «цель внешней политики».

Кроме того, отмеченные нами ранее предпосылки для начала всестороннего и объективного изучения советскими историками внешнеполитической истории Первой мировой войны были нивелированы начавшимся в конце 1920-х гг. процессом роста влияния политики на науку и началом эпохи господства в ней идеологических догм и клише. Со временем торжество марксистско-ленинской методологии привело к утверждению в советской историографии характеристики Первой мировой войны как империалистической, несправедливой, захватнической (в том числе и прежде всего со стороны России). Такая государственная оценка мирового конфликта существенно сузила рамки его изучения, а конец 1930-х гг. ознаменовался окончательным утверждением под влиянием Сталина догматизма в советской исторической науке, концом какого бы то ни было взаимодействия с эмигрантской и буржуазной историографией. Все это, наряду с репрессиями видных историков, вызванной идеологическими соображениями ограниченностью источниковой базы стало причиной изоляции и замедления развития советской исторической науки, фактологическим и методологическим пробелом в изучении войны [13, с. 18]. Так, например, мировой конфликт было принято рассматривать исключительно сквозь призму созревания и победы Октябрьской революции, в трудах советских ученых парадоксальным образом переплетались, с одной стороны, всевозможные доказательства финансово-экономической зависимости Российской империи от союзников по Антанте, едва ли не полуколониальное ее положение, а с другой – стремление возложить основную долю ответственности за развязывание войны именно на российскую монархию. Не смог кардинально изменить ситуацию и некоторый всплеск интереса к исследованию опыта Первой мировой войны, обозначившийся с началом нового мирового конфликта.

Нельзя не отметить, что вдали от родины мировой конфликт получил совсем иные «ярлыки» – войну называли германской, Второй Отечественной, Великой. Авторы в большинстве своем всячески подчеркивали виновность Германии в развязывании мирового конфликта и оборонительный характер войны

для России. К огромному сожалению, труды деятелей русской эмиграции очень долгое время оставались недоступны для ученых и широкой аудитории в Советской России. Работы А. Н. Данилова, Н. Н. Головина, А. А. Керсновского, С. С. Ольденбурга, А. И. Деникина были опубликованы в нашей стране лишь в 1990-х гг. и в начале XXI в.

Несмотря на то что в послевоенное время был выпущен ряд качественных трудов, посвященных истории Первой мировой войны в целом и целей России в ней в частности и составивших в совокупности весьма обширную историографию, это не могло повлиять на общую тенденцию в рассмотрении советскими историками Первой мировой войны в неразрывной связи с революцией как катализатора революционного процесса, что привело едва ли не к потере ею значения самостоятельного исторического явления [там же]. Вызванная же идеологическими соображениями ограниченность источниковой базы имела следствием неравномерность в изучении различных аспектов мирового конфликта, в частности, истории внешней политики России в годы Первой мировой войны.

90-е гг. XX в. стали временем формирования новой познавательной ситуации в отечественной исторической науке в целом и в историографии Первой мировой войны в частности. Результатом снятия идеологических ограничений после распада СССР стало увеличение числа подходов к истории войны и расширение круга проблем в ее изучении. В немалой степени этому способствует и снятие ограничений другого рода – технических – открытие архивов, полноценный доступ исследователей к зарубежной и эмигрантской литературе, наконец ставшей доступной для наших соотечественников.

Закономерно, что начало нового века в изучении данной тематики ознаменовано все продолжающимся расширением источниковой базы и выходом в свет новейших документальных публикаций, отличающихся широтой охвата материала и, как представляется, беспристрастным характером его подбора. Создание историографии внешней политики России в годы Первой мировой войны также продолжается новыми научными трудами по данной тематике, содержащими в себе свежий взгляд на многие дискуссионные вопросы.

Таким образом, вопрос о целях участия России в Первой мировой войне на первый взгляд представляется достаточно изученным. В немалом количестве исторических исследований, посвященных Первой мировой войне, эта проблема закономерно нашла отражение, мемуаристы в своих трудах также, как правило, не обходили стороной этот любопытный вопрос. Однако сегодня мы можем сказать, что ряд факторов заставляет говорить об актуальности в наши

дни попыток вновь переосмыслить вопрос о целях России в Первой мировой войне.

Во-первых, стоит обратить внимание на то, что цели войны практически никогда никем не рассматривались в качестве обособленного исторического объекта, самодостаточного сюжета, исследователи крайне редко считали необходимым специальное толкование этого понятия, предпочитая отождествлять цели войны с целями внешней политики, безотносительно их политической, идеологической, психологической и прочей специфики. Очевидно, что при изучении вопроса о целях войны следует иметь в виду, что постановка целей, определение путей и средств их достижения идут рука об руку и тесно взаимосвязаны, а значит полное и всестороннее изучение целей войны осуществимо лишь при комплексном подходе к их рассмотрению – от процесса их выработки, скрытого от глаз обывателя, и вплоть до обнародования в той или иной форме.

Во-вторых, даже не принимая в расчет сложную и противоречивую историю изучения этого вопроса в нашей стране, очевидно, что ряд исторических обстоятельств (смена образа правления во время войны, стремительный выход нашей страны из мирового конфликта, последовавшее затем непримиримое гражданское противостояние) объективно заслонило от нас вопрос о первоначальных целях войны для России и их трансформации в ходе конфликта. В связи с постигшим Россию в 1917 г. общенациональным кризисом цели войны (по крайней мере в понимании дореволюционной элиты) нашей страной так никогда и не были достигнуты, воплощены в действительную реальность, их не с чем соизмерить.

Обилие свидетельств современников и интерпретаций ученых в данном случае отнюдь не является подспорьем для исследователя. Даже принципиально новая познавательная ситуация, возникшая на постсоветском пространстве, имеет оборотную сторону – появление большого массива новой литературы влечет за собой необходимость более критического отношения к нему, так как часть его определенно отличается легковесностью, а научная ценность некоторых трудов спорна. Кроме того, даже беглый взгляд на историографию участия России в Первой мировой войне позволяет увидеть, что в силу все тех же исторических перипетий в научно-публицистической среде сохраняется немало еще спорных вопросов, разноречивых суждений. Интересующий нас вопрос о целях войны в мемуарной литературе истолковывается очень неоднозначно, историографические же точки зрения по нему, как правило, отличаются крайней полярностью и политизированностью, да и в целом, внешняя политика России и международные отношения остаются в сфере непрекращающейся идеологической конфронтации.

Сегодня, по прошествии ста лет изучения целей войны для России, в этом вопросе накоплен немалый исследовательский опыт. Однако превратности исторической судьбы нашего Отечества и здесь оставили свой отпечаток в виде, например, болезненного разрыва между советской и эмигрантской историографией. Следовательно, на повестке дня стоит необходимость максимально объективной оценки вклада и значения каждого из направлений и каждого из этапов этих «историографий».

Благодатную почву для новых попыток исследования проблемы целей России в Первой мировой войне, их становления и эволюции перед началом и в ходе конфликта подготовило скачкообразное расширение источниковой базы в последние десятилетия. Публикация огромного массива исторической документации, требующей осмысления, просто не может не являться еще одной предпосылкой для дальнейшего тщательного, полного и всестороннего изучения данной проблемы.

Таким образом, сегодня мы можем сказать, что ряд факторов – исторические обстоятельства минувшего столетия, накопленные за этот период противоречия исследовательского опыта, широкий спектр новых позиций по различным проблемам, скачкообразное расширение источниковой базы в последние десятилетия – заставляют говорить о Первой мировой войне как масштабном и самостоятельном явлении в истории России и делают актуальными попытки вновь переосмыслить вопрос о целях России в Первой мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тархова Н. С.* Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности комиссии по исследо-

ванию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) / Н. С. Тархова // *Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов.* – М., 2006.

2. *Емец В. А.* Советская историография происхождения Первой мировой войны / В. А. Емец // *Первая мировая война : сб. статей.* – М., 1968.

3. *Авдеев В. А.* Первая мировая война глазами русского зарубежья / В. А. Авдеев // *Последняя война Российской империи : Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов.* – М., 2006.

4. *Караяни А. Г.* Психология и война / А. Г. Караяни. – М., 2003. – Режим доступа: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=738&Itemid=2152

5. *Цель войны // Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь.* – М., 2011. – Режим доступа: <http://voina-i-mir.ru/article/48>

6. *Лиддел-Гарт Б. Х.* Стратегия непрямых действий / Б. Х. Лиддел-Гарт. – М., 1957.

7. *Михневич Н. П.* Основы стратегии / Н. П. Михневич. – СПб., 1913.

8. *Елчанинов А. Г.* Ведение современных войны и боя / А. Г. Елчанинов. – СПб., 1909.

9. *Керсновский А. А.* Философия войны / А. А. Керсновский. – М., 2010.

10. *Клаузевиц К.* О войне / К. Клаузевиц. – М., 1934.

11. *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне / А. А. Строков. – М., 1974.

12. *Энциклопедия военных и морских наук : в 8 т. / под ред. Г. А. Леера.* – СПб., 1883–1895. – Т. VII.

13. *Козенко Б. Д.* Отечественная историография Первой мировой войны / Б. Д. Козенко // *Новая и новейшая история.* – М., 2003. – № 3.

*Воронежский государственный университет
Астапов Е. И., магистр кафедры истории России
E-mail: yegorastapov@mail.ru
Тел.: 8-910-343-55-07*

*Voronezh State University
Astapov E. I., Master of the Russian History Department
E-mail: yegorastapov@mail.ru
Tel.: 8-910-343-55-07*